

О ВОСЬМОЙ, ДЕВЯТОЙ И ДЕСЯТОЙ ГЛАВАХ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» *

1

Так называемая X глава «Евгения Онегина» давно уже является достоянием советского читателя. Известный нам отрывочный текст основан на небольших черновиках Пушкина,¹ на кратких сообщениях его друзей² и главным образом на шифрованной записи «декабристских строф», ключ к которой был найден П. О. Морозовым в 1910 году.³

Ранее пушкинисты склонны были отнести шифрованный текст и примыкающие к нему черновые строфы к «Путешествию Онегина» (задуманному как VIII глава романа),⁴ но в 1915 году Н. О. Лернер отнес зашифрованный текст к началу не известной нам дотоле X главы «Онегина»,⁵ и с тех пор это определение, как кажется, не подвергалось уже сомнению. По крайней мере, во всех новейших изданиях Пушкина эти строфы публикуются с полной убежденностью и без всякой оговорки в качестве «Отрывков из десятой главы».

Соотношение зашифрованных четверостиший с «онегинской строфой» объяснил С. М. Бонди,⁶ и окончательное установление текста было произведено Б. В. Томашевским в 1934 году.⁷ Б. В. Томашевский установил также принципы доведения этого текстологически чрезвычайно трудного материала до читателя.

* Содержание настоящей статьи неоднократно излагалось мной устно при разных обстоятельствах начиная с 1943 года, однако работы в другой области не позволили мне полностью завершить исследование. Появление за последние годы ряда статей, посвященных VIII и X главам «Онегина», побудило меня в настоящее время выступить в печати. Я должен при этом поблагодарить А. И. Гербстмана за сделанные им ценные замечания.

¹ Строфы XV—XVII и наброски к строфе IX (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI, Изд. АН СССР, 1937, стр. 524—526. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте). В конце 1962 года появилось известие о находке четверостишия из так называемой X главы, записанного Пушкиным на титульном листе экземпляра романа Вальтера Скотта «Айвенго», принадлежавшего библиотеке одного из имений Полторацких — родственников А. П. Керн.

² Свидетельства П. А. Вяземского и А. И. Тургенева приведены в ст.: Б. Томашевский. Десятая глава «Евгения Онегина». «Литературное наследство», т. 16—18, 1934, стр. 387—388.

³ П. О. Морозов. Шифрованное стихотворение Пушкина. В кн.: Пушкин и его современники, вып. XIII. СПб., 1910, стр. 1—12. Зашифрованы первые стихи шестнадцати строф.

⁴ Пушкин и его современники, вып. IV. 1906, стр. 11, № 37 д (В. Срезневский); ср.: Пушкин и его современники, вып. XIII. 1910, стр. 9—10 (П. О. Морозов).

⁵ Н. О. Лернер. Новые приобретения пушкинского текста и дополнения. 1068. Из десятой (сожженной) главы «Евгения Онегина». В кн.: Пушкин, Сочинения, под ред. С. А. Венгера, т. VI, Пгр., 1915, стр. 212—215.

⁶ Изложение его доклада см. в статье Б. В. Томашевского «Десятая глава „Евгения Онегина“» («Литературное наследство», т. 16—18, стр. 383—386).

⁷ «Литературное наследство», т. 16—18, стр. 379—420.

Нам известно, что Пушкин первоначально не предполагал ограничиться восемью или девятью главами «Онегина», а, по-видимому, думал завершить свой роман в двенадцати главах.⁸ Но была ли им действительно написана десятая глава и если да, то к ней ли относятся «декабристские строфы»? Н. О. Лернер считал, что десятая глава, во всяком случае, была начата и что «декабристские строфы» относятся именно к ней, но хотя его тезис был всеми принят, однако его, в сущности, нельзя считать со всей бесспорностью доказанным, так как имеющиеся у нас скудные данные противоречивы.

Еще весной 1830 года носились слухи — правда, в кругах, не очень близких Пушкину, — что им уже написаны VIII, IX и X главы. Об этом в апреле 1830 года писал А. А. Кононов И. Н. Ушакову. Это сообщение нельзя считать за положительное свидетельство в пользу существования X главы. Скорее это отголосок разговоров об известных замыслах Пушкина, и нетерпеливый автор письма, жалующийся на медленность издания романа, вряд ли мог точно знать, что именно было действительно к этому времени написано поэтом, хотя и ссылается на то, что Пушкин будто бы «говорил, что у него написаны 8-я, 9-я и 10-я». Во всяком случае, на самом деле к этому времени Пушкин не завершил еще IX главы, хотя уже работал над ней. Маловероятно, что X глава в это время могла уже существовать.

Более достоверны свидетельства близких друзей Пушкина. Некоторые «декабристские строфы» упоминаются в дневнике друга Пушкина, П. А. Вяземского, как слышанные им в авторском чтении в декабре 1830 года после возвращения поэта из Болдина и относившиеся к тогда «предполагаемой» X главе «Онегина». Это черновая запись для памяти: «Третьего дня был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок 8 и 9 главу Онегина. Ею и кончает; из 10-й предполагаемой читал мне строфы о 1812 году и следующих». Далее следует в беспорядке перечень различных произведений, созданных Пушкиным «болдинской осенью»; в конце этого перечня уже без всякой связи с X (или какой-либо иной) главой «Онегина» упоминается еще одна из «декабристских строф».⁹ Судя по пометке на одной из рукописей «Путешествия Онегина» (ранее называвшегося VIII главой) Пушкин действительно отбирал материал для X главы и собирался использовать в ней отдельные отрывки из «Путешествия» (по крайней мере одну строфу); а из черновика предисловия к VIII и IX главам, набросанного поэтом в Болдине незадолго

⁸ На это указывают следующие обстоятельства: 1) В 1828 году была издана VI глава «Онегина» с пометой «Конец первой части». Следы того, что этой главой кончался целый цикл глав внутри романа, ясно заметны и сейчас при чтении строф XLIII—XLV. При известном пристрастии Пушкина к гармонической и симметрической композиции (см.: Д. Б л а г о й. Мастерство Пушкина. «Советский писатель», М., 1955, стр. 101, 181, 189 и др.) это может означать только то, что тогда он предполагал закончить роман в двенадцати главах; 2) в июне 1829 года Пушкин говорил М. В. Юзефовичу, что Онегин должен «или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов» (цит. по: Б. Т о м а ш е в с к и й. Десятая глава «Евгения Онегина», стр. 387). Стало быть, роман должен был продолжаться за пределы нынешней VIII (ранее IX) главы, так как в ней, как известно, действие заканчивается весной 1825 года, о чем подробно будет сказано ниже; 3) Весной 1830 года послылись слухи, будто бы у Пушкина уже «написаны 8-я, 9-я и 10-я (главы)» (письмо А. Кононова к И. Н. Ушакову от 4 апреля 1830 года. Публикация С. Д. Козлюбинского. В кн.: «Литературный архив», т. 1, 1938, стр. 227); 4) с осени 1830 года появляются свидетельства о том, что Пушкин рассчитывал *издать* роман в девяти главах, по в черновом предисловии к предполагавшемуся изданию VIII и IX глав, написанном в Болдине осенью 1830 года, Пушкин явственно намкает на дальнейшее продолжение романа («не для печати»; см. также приводимые свидетельства П. А. Вяземского, А. О. Смирновой-Россет и самого Пушкина).

⁹ См. ниже, стр. 59. Именно это известие и послужило Н. О. Лернеру доказательством принадлежности шифрованных строф к X главе «Онегина», самый факт существования которой выводился из упоминаний этой главы Пушкиным в приводимых ниже пометах. Более подробно Н. О. Лернер свое мнение не аргументировал.

до отъезда (28 ноября 1830 года), нам известно, что Пушкин собирался закончить роман для печати в девяти главах, но обдумывал возможное продолжение его не для печати. Однако из записи самого Пушкина на рукописи повести «Метель» мы знаем, что он уже 19 октября, — по-видимому 1830 года,¹⁰ в Болдине — сжег какую-то «X песнь». Обычно считают, что хотя он сжег в октябре наброски X главы «Онегина», но мысль написать ее не оставил, поэтому в декабре того же года эта глава, по словам П. А. Вяземского, все еще была «предполагаемой», т. е. не написанной или не завершенной.¹¹

Имеется, кроме того, относящееся к 40-м годам прошлого века замечание в дневнике А. О. Смирновой-Россет. По ее словам, Николай I, цензуруя X главу «Онегина» («10» написано арабскими цифрами, так что опосми быть не может!), прислал А. О. Смирновой-Россет рукопись со своими пометками; при этом он пожелал, чтобы она, как знаток русского языка, высказала о них свое суждение и «разрешил» ей довести об этом до сведения Пушкина.¹² Сохранился и конверт, в котором рукопись была переслана «Александре Осиповне Россет в собственные руки».¹³ Совершенно ясно, что Пушкин не мог посылать на цензуру к Николаю «декабристские строфы». Но столь же маловероятно, чтобы А. О. Россет, близкий друг Пушкина, с которой он нередко советовался по литературным вопросам и которая, конечно, хорошо знала состав романа, могла ошибиться и спутать X главу с какой-то другой.¹⁴

Таковы имеющиеся сведения о существовании X главы «Евгения Онегина». Отнесение к ней зашифрованных «декабристских строф» основано на записи Вяземского, но эта же запись сообщает, что глава в декабре 1830 года была все еще только «предполагаемой», и неясно, как сообщение Вяземского согласуется, с одной стороны, со сведениями А. О. Смирновой-Россет, а с другой — с записью Пушкина о сожжении X главы, по-видимому, еще в октябре 1830 года.

Между тем есть и иные свидетельства относительно «декабристских строф».

11 августа 1832 года другой близкий друг Пушкина, А. И. Тургенев, довольно обстоятельно сообщая в письме к брату, Н. И. Тургеневу, о слышанных им от автора (в декабре 1831 года?) «декабристских строфах» романа, совершенно определенно относит их вовсе не к X главе, а к «Путешествию Онегина». Он пишет Н. И. Тургеневу об «одной части... Онегина», которую Пушкин не мог издать, «где он описывает

¹⁰ Факсимиле в указанной выше статье Б. В. Томашевского. Запись едва ли можно датировать октябрём 1831 года, когда «Метель» уже была в печати и через несколько дней должна была выйти в свет, более вероятно относить ее к октябрю 1830 года, когда Пушкин в Болдине работал над рукописью повести и вполне естественно мог делать на ней пометы.

¹¹ Трудно думать, что Вяземский ошибочно написал «предполагаемой» вместо «предполагавшейся». Хотя в наше время причастия настоящего времени в разговоре нередко употребляются вместо причастий прошедшего времени, нам представляется, что вряд ли эта черта могла быть характерной для языка Вяземского.

¹² Об этом А. И. Гербстманом был читан доклад в 1955 году в Пушкинском доме. В выступлении по этому докладу мною были вкратце изложены тезисы настоящей работы. См.: А. И. Гербстман. Судьба десятой главы «Евгения Онегина». «Ученые записки Казахского государственного университета», 1957, т. XXV, стр. 109—122.

¹³ Воспроизведен в «Литературном наследстве» (т. 16—18, стр. 515). В подписи под факсимиле указано, что в конверте была переслана VIII глава, а в тексте статьи Т. Зенгер «Николай I — редактор Пушкина», к которой и приложена репродукция, автор указывает вслед за М. А. Цявловским (Заметки о Пушкине. В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXVIII—XXXIX. 1930, стр. 222—224), что это была VII глава.

¹⁴ А. И. Гербстман полагает, что Пушкин впоследствии написал новый, более полный и в то же время смягченный вариант X главы. Однако это предположение не кажется вероятным. Во всяком случае, одного сообщения А. О. Россет недостаточно для его обоснования.

путешествие его по России, возмущение 1825 года и упоминает, между прочим, и о тебе». Далее А. И. Тургенев цитирует эту строфу, а затем прибавляет: «В этой части у него есть прелестные характеристики русских и России, но они останутся надолго под спудом.¹⁵ Он читал мне в Москве¹⁶ только отрывки». Обстоятельное известие А. И. Тургенева, казалось бы, имеет преимущество перед отрывочной и неясной черновой записью Вяземского. Из письма А. И. Тургенева с несомненностью следует, что путешествие Онегина, характеристика русских и России и строфы о декабристах представляли в декабре 1831 года части одной и той же главы, и именно первоначальной VIII, впоследствии изданной Пушкиным в сокращении в виде «Отрывков из путешествия Онегина». Станным образом на это обстоятельство никто не обратил внимания.¹⁷ Сомнение вызывают только слова Тургенева о том, что в слышанных им строфах упоминалось «возмущение 1825 года». Из хронологических соображений очевидно, что такой главы «Онегина», в которой одновременно было бы описано и путешествие Онегина по России в 1821—1823 годах (до свидания с Татьяной зимой 1824—1825 года) и декабрьское восстание 1825 года, никогда не могло существовать.¹⁸ Если то, что слышал А. И. Тургенев, являлось бывшей VIII главой («Путешествием Онегина»), то описания восстания в ней быть не могло. Но Тургенев слышал от поэта не полный текст главы, а «только отрывки». Если среди них были известные нам шифрованные строфы, где Пушкин дает «характеристику русских и России» и предысторию декабрьского восстания, а в авторском отступлении (забегая вперед, как это часто случалось и в других местах «Онегина») даже говорит о судьбе слыльных декабри-

¹⁵ А. И. Тургенев цитирует строфу:

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Луний дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал

Царевбийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Лаская в пей свой идеал,
Хромой Тургенев им вжимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Под «характеристиками русских и России» А. И. Тургенев, очевидно, имеет в виду так называемые V—VII шифрованные строфы: «И чем жирнее, тем тяжелее...», «Авось, о Шиболет народный...» и «Авось, аренды забывая...».

¹⁶ В Москву Пушкин выехал 3 декабря и вернулся в Петербург 22 декабря 1831 года.

¹⁷ Очевидно, что, говоря об «одной части... Онегина», А. И. Тургенев имел в виду одну главу романа. Правда, в болдинском оглавлении «Евгения Онегина» роман, кроме глав, делится и на «части», по три главы в каждой; но целой «части», которую Пушкин не мог бы издать, не существовало. Даже если предположить, что А. И. Тургенев в данном случае имел в виду «часть» из трех глав, наше рассуждение остается в силе, так как «Путешествие Онегина», о котором у него, очевидно, идет речь, во всяком случае относится к той «части» романа, которая, согласно болдинскому оглавлению, содержит главы VI, VIII и IX, но не X. Правда, по мнению А. И. Гербстмана, в предполагаемом им позднейшем варианте X главы описывалось второе, новое путешествие Онегина, помимо того, которое являлось содержанием VIII главы. Но нам не кажется вероятным ни существование двух путешествий Онегина, ни существование позднейшего варианта X главы вообще.

¹⁸ Как известно, Пушкин писал роман «по календарю», и хронологию его легко установить: I глава — до 1820 года (кончается отъездом Пушкина в Бессарабию), II и III главы — лето 1820 года, IV глава — осень 1820 года, V и VI главы — зима 1820—1821 года, VII глава — осень 1821 года—весна 1822 года; «Путешествие» начинается до событий VII главы, т. е. летом 1821 года («июля 3-го числа»); в Крыму Онегин приезжает «спустя три года» после того, как там побывал Пушкин, а в Одессу — немного позже, чем Пушкин (поэт был в Крыму в 1820 году, а в Одессе пробыл с лета 1823 года по лето 1824 года); VIII глава начинается зимним бальным сезоном 1824 года (Татьяна замужем «около двух лет», а вышла она замуж не раньше лета 1822 года) и кончается весной 1825 года. Эту хронологию следует иметь в виду в связи с дальнейшим.

стов,¹⁹ — то Тургенев, зная, что это не вся глава, мог умозаключить, что в ней должно содержаться и описание самого восстания; или же под «возмущением 1825 года» он в данном случае имел в виду не само восстание, а декабристское движение вообще.

Текст первоначальной VIII главы («Путешествия Онегина») полностью до нас не дошел, но несомненно, что глава эта действительно содержала декабристские мотивы, — в настоящее время этого мнения держится большинство исследователей. В самом деле, это видно, например, из той строфы, которая в наиболее полной и, очевидно, последней по времени²⁰ из сохранившихся рукописей «Путешествия» была намечена к переносу в X главу.²¹ Строфа эта очень важна, так как она принадлежит к начальным, дающим тон всему изложению «Путешествия»:

Наскуча или слыть Мельмотом
Иль маской щеголять иной
Проснулся раз он патриотом
Дождливой, скучною порой
Россия, господа, мгновенно
Ему понравилась отменно
И решено. Уж он влюблен
Уж Русью только бредит он
Уж он Европу ненавидит
С ее политической сухой,
С ее развратной суетой
Онегин едет; он увидит
Святую Русь: ее поля,
Пустыш, грады и моря.

в X песнь

«Патриот» (с большой буквы, так в черновике) — обычное самообозначение декабристов, применявшееся ими до тех пор, пока восстание в декабре 1825 года не дало им того названия, под которым они остались в истории. Пушкин, правда, относится несколько иронически к внезапному патриотизму Онегина. Но «Путешествие» содержало и другие строфы с характерной декабристской тематикой²² (так, Онегин глядел на Новгород с позиций, близких Рылееву,²³ характеристика Москвы перекликается с общим тоном «Горя от ума»,²⁴ а П. А. Катенин сообщил,

¹⁹

Авось по манью Николая
Семействам возвратит Сибирь...

²⁰ Не считая рукописи заключительной строфы, написанной отдельно от остального текста и в другое время.

²¹ Вряд ли возможно было перенести эту строфу в X главу целиком, так как последние три строки связывают ее с «Путешествием Онегина», хронологически предшествовавшим IX (ныне VIII), а стало быть, и предполагаемой X главе. Может быть, Пушкин собирался использовать из нее в X главе только некоторые стихи. Но, во всяком случае, ее необходимо учитывать при любой реконструкции так называемой X главы.

²² См.: Б. Мейлах. А. С. Пушкин. Очерк жизни и творчества. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 113—115; История русского романа, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 145.

²³ Среди равнины полудикой
Он впит Новгород-великой.
Смирлись площади — среди них
Мятежный колокол утих,
Но бродят теи великапов:

Завоеватель скапдинав,
Законодатель Ярослав
С четою грозных Иоаннов
И вокруг поникнувших церквей
Кипит народ минувших дней.

²⁴ Москва Онегина встречает
Своей спесивой суетой
Своими девами прельщает,
Стерляжьей потчует улой —
В палате Английского клоба
(Народных заседаний проба)
Безмолвно в думу погружен

О кашах пренья слышит он
Замечен он. Об нем толкует
Разноречивая Молва
Им занимается Москва
Его шпионом именует
Слагает в честь его стихи
И производит в жепихи.

что «Путешествие» содержало критическое описание и оценку военных поселений).²⁵

Итак, к какой же главе, к первоначальной VIII или к X, относятся «декабристские строфы», известные нам по пушкинскому зашифрованному тексту и другим отрывкам? Близкий друг Пушкина, П. А. Вяземский, относил их к будущей («предполагаемой») X главе, хотя, судя по авторской записи, X глава была еще до этого сожжена. Но другой близкий друг Пушкина, А. И. Тургенев, еще более определенно относил их к уже написанной VIII главе, во всяком случае, к «Путешествию Онегина».

Как видно, дело с «декабристскими строфами» обстоит не так просто. Со времени работы Н. О. Лернера 1915 года обычно считается, что Пушкин начал в Болдине, осенью 1830 года, писать X главу «Онегина», но, по-видимому, не закончил ее и рукопись сжег, лишь зашифровав первые строфы. Однако из вышеизложенного видно, что это предположение не вытекает с бесспорностью из всех имеющихся данных, и его даже трудно с ними полностью согласовать. Как мы увидим, оно вызывает и еще целый ряд недоумений и противоречий.

Прежде всего маловероятно, чтобы зашифрованные «декабристские» строфы были *началом* какой-либо главы (нумерация этих строф с I по XVII принадлежит не Пушкину, а современным исследователям).²⁶ В самом деле:

1) В том варианте романа, где за IX (нынешней последней) еще следовала бы X глава, в IX главе должно было отсутствовать прощание автора с героем и читателем и т. п., иначе говоря, все, начиная со строк:

И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим
Надолго... навсегда...

А из этого следует, что строки «Властитель слабый и лукавый» и т. д. должны были бы примыкать к концу сцены объяснения Татьяны и Онегина:

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражен.
В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружен!
Но шпор незапный звон раздался,
И муж Татьяны показался
.

Глава X

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

²⁵ В письме к П. В. Анненкову от 24 апреля 1853 года. См.: П. А. Попов. Новые материалы о жизни и творчестве А. С. Пушкина. «Литературный критик», 1940, № 7—8, стр. 230—245. Текст этого сообщения следующий: «Об восьмой главе *Онегина* слышал я от покойного в 1832-м году, что сверх Нижегородской ярмонки и Одесской Пристанки, Евгений видел *военные поселения*, заведенные гр. *Аракчеевым*, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования, и потому он рассудил за благо передать их вечному забвению, и вместе с тем выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую, и как бы оскудевшую».

²⁶ Как известно, в зашифрованном тексте запеселены сначала все первые строки каких-то шестнадцати строф, затем все вторые и т. д. Для того чтобы при расшифровке расставить строки по местам в каждой строфе, пришлось этим строфам дать условную нумерацию от I до XVI, которая и сохранилась во всех публикациях. К этим шестнадцати строфам прибавлен еще текст, известный по черновикам Пушкина и по цитатам в записи его друзей, в том числе одна строфа, в зашифрованном тексте не известная. Но ни из чего не вытекает, что первая из зашифрованных строф, обозначенная в публикациях римской единицей, действительно была первой строфой главы.

Конечно, можно предположить, что в той первоначальной IX главе, за которой следовала глава X, существовали какие-то неизвестные нам строфы обрамления. Но в композиционном отношении это дела не меняет, да и никаких следов такого варианта IX главы нет. При всех обстоятельствах предположить, что объяснение Татьяны с Онегиным примыкало в сюжетной линии романа к злобно-насмешливой характеристике Александра I и описанию политического состояния Европы и России в течение его царствования, значит допустить явную композиционную невозможность. Пушкин не мог перейти *ex abrupto* от Татьяны — к истории Европы и сатире на Александра, от самой напряженной сюжетной кульминации, происходящей в начале 1825 года, — к неторопливой и в то же время желчной хронике событий с прыжком назад к 1819—1823 годам и даже к 1812 году: тут явный диссонанс. Едва ли также в IX главе, сюжетно и композиционно представляющей определенное целое, могли быть первоначально введены какие-то совершенно иные мотивы, игравшие роль необходимого здесь перехода. Тут им не хватило бы и места — глава и так уже имела более или менее полный объем по числу строф.²⁷

2) Зашифрованные «декабристские строфы», как известно, начинаются фразой: «Властитель слабый и лукавый... над нами царствовал тогда». Естественно спросить: к чему относится — и в смысле отнесения к событиям романа, и в смысле общей хронологии — это «тогда»? Неужели к разговору Татьяны с Онегиным? В «Евгении Онегине» встречаются переключки между началом одной главы и концом предыдущей, но тогда связь между событиями той и другой главы — прямая. И уж если бы это «тогда» относилось к моменту объяснения Татьяны с Онегиным (т. е. к весне 1825 года), то уместнее было бы сказать «еще царствовал тогда», как и сказано в «Медном всаднике», действие которого происходит даже раньше, в ноябре 1824 года. Кроме того, дата событий, о которых идет речь в «декабристских строфах», должна была бы быть та же, что и дата разговора Татьяны с Онегиным, т. е. 1825 год, в крайнем случае — зима 1824—1825 года.

Но в дошедших до нас «декабристских строфах» вообще нет упоминания ни о событиях 1825 года, ни даже, кажется, о событиях 1824 года.²⁸ Все упоминаемые события относятся ко времени не позже 1823 года. Конечно, можно предположить, что до нас дошел не весь текст. Но нет

²⁷ Объяснение Татьяны с Онегиным в настоящее время кончается в XLVIII строфе VIII (бывшей IX) главы; в рукописи было несколько больше строф, и даже если отбросить строфы X—XIII, введенные в последнюю главу при исключении из романа старой главы VIII, а также обрамляющие заключительные строфы XLIX—LI, все равно окажется, что в IX главе без предполагаемого старого обрамления, подводящего к X главе, должно было быть около 47 строф. Сравним длину остальных глав: I — 54 строфы + 6 обозначенных точками, II — 40, III — 41, IV — 44 + 8 обозначенных только цифрами, V — 45, VI — 43 + 3 обозначенных только цифрами, VII — 52 + 3 обозначенных только цифрами, в среднем 45—48 строф. Большого пропуска в конце IX главы не могло быть! Напротив, по рукописям «Путешествия Онегина» мы знаем всего 31 строфу (+ 3 позднейших): очевидно, нам известно лишь немногим более половины старой VIII главы.

²⁸ Вот, насколько можно судить по сохранившимся отрывкам, содержание «декабристских строф»: а) Европейская история: первая строфа — характеристика Александра I; вторая — поражения Александра в войнах с Наполеоном до Тильзита; третья — война 1812 года; четвертая — поход 1813—1815 годов; пятая—седьмая — характеристика русских и России; восьмая — смерть Наполеона (1821) и его характеристика; девятая — восстание Риго (1820—1823), восстание в Неаполе (1820—1821), подготовка этеристского движения Александром Ипсиланти (1820) и восстание в Морее (1821; что такое «кинжал Л.» — неясно); десятая — веронский конгресс (ноябрь 1822 года). б) С той же десятой строфы начинается история революционного движения в России; десятая строфа — внутреннее положение России, Аракчеев; одиннадцатая — мятеж Семеновского полка (1820); двенадцатая — тринадцатая — зарождение декабристского движения (1816—1820); четырнадцатая — пятнадцатая — Союз Благоденствия (1818—1821); шестнадцатая — создание Южного общества (1821); семнадцатая — создание сети тайных обществ (с 1823 года).

причин, почему бы Пушкину было читать своим друзьям только те самые строфы, которые дошли до нас. Друзья Пушкина, которым он читал «декабристские строфы», несомненно, в первую очередь, запомнили бы драматические стихи, посвященные восстанию, если бы они их слышали. Между тем им запомнились только историко-описательные и сатирические строфы.²⁹ *Никто* не слышал строф о самом декабрьском восстании. Очевидно, их и не было. Потому ли, что Пушкин не дописал главы, содержащей «декабристские строфы», или потому, что в этой главе декабрьское восстание не должно было и не могло упоминаться?

Во всяком случае, с нашей точки зрения, зашифрованные «декабристские строфы», во-первых, не содержали событий 1825 года, а во-вторых, не составляли начала какой-либо главы, — следовательно, не могли быть и началом незаконченной X главы, действие которой должно было начинаться в 1825 году.

2

Известный нам печатный текст «Отрывков из путешествия Онегина», так же как и последние по времени сохранившиеся рукописи «Путешествия» (бывшей VIII главы), доводит странствия Онегина до Одессы.³⁰ В конце «Путешествия» — пробел: это видно и из числа сохранившихся строф, недостаточного для целой главы, и — как мы увидим ниже — из палеографических данных, и еще из одного обстоятельства: в Одессу Онегин прибывает, видимо, летом или осенью 1823 года (прямо из Крыма, где он побывал через три года после Пушкина, т. е. в 1823 году); но хотя в заключении к «Путешествию»³¹ сказано:

Недолго вместе мы бродили
По берегам Эвксинских вод

на самом деле Пушкин уехал из Одессы в Тригорское лишь летом 1824 года, а Онегин прибыл в Петербург в начале зимы 1824—1825 года. Значит, если Онегин действительно нигде больше не был до отъезда Пушкина в Тригорское, а все время оставался в Одессе, то он пробыл там не «недолго», а целый год, т. е. столько же, сколько он провел в своем имении по соседству с Ленским и Лариными. Что же он делал в Одессе

²⁹ П. А. Вяземскому запомнились строфы «о 1812 годе и следующих» (т. е. первая—четвертая: «Властитель слабый и лукавый...», «Его мы очень смирным знали...», «Гроза двенадцатого года...», «Но бог помог, — стал ропот ниже...»), А. И. Тургеневу — «характеристики русских и России» (пятая—седьмая строфы «И чем жирнее, тем тяжеле...», «Авось, о Шиболет народный...», «Авось, аренды забывая...»); оба особо отметили строфы о Союзе Благоденствия (четырнадцатую—пятнадцатую: Вяземский — «Витийством резким знамениты...», Тургенев — «Друг Марса, Вакха и Венеры...»). Ни одному из друзей Пушкина не запомнилось никаких строф о восстании: как мы уже указывали, упоминание о «возмущении 1825 года» в письме А. И. Тургенева не означает, что он действительно слышал стихи о самом восстании, так как слышанное им он отнес к «Путешествию», действие которого происходит в 1821—1824 годах.

³⁰ И в черновой рукописи ЛБ 82 и в более чистой рукописи ПБ 18 имеется еще по одной строфе заключения «Путешествия». В черновике — это строфа о том, как Онегин и Пушкин разлучились, причем первый уехал в Петербург, а второй — в Тригорское («Недолго вместе мы бродили По берегам Эвксинских вод» и т. д.); строфа оторвана от остального текста, так как самого описания Одессы здесь нет (Отдельные части одесского эпизода имеются на листе рукописи ЛБ 68, также относящейся к числу черновых). В полубеловой рукописи ПБ 18 нет строфы «Недолго вместе мы бродили», но есть следующая за ней строфа с описанием Тригорского; однако эта строфа вписана не на своем месте, и ни из чего не видно, что она должна была следовать непосредственно после одесских строф. Ясно лишь, что это лирическое отступление, вероятно, предназначавшееся для конца главы.

³¹ Ни в одной из рукописей три строфы заключения не примыкают непосредственно к описанию встречи Онегина с Пушкиным в Одессе, и ничто не доказывает, что они являются их прямым продолжением.

все это время? И так ли это было в первоначальном тексте главы? И в какой же связи упоминались в «Путешествии» военные поселения, о чем свидетельствует П. А. Катенин?³²

Посмотрим теперь, не возможно ли предположить, что пробел заполняется шифрованными строфами и что они относятся не к X, а к не дошедшему до нас концу бывшей VIII главы, к «Путешествию»? Приводит ли это к каким-либо хронологическим, стилистическим и композиционным противоречиям?

Судя по тому, что средняя длина глав в «Онегине» — 45—48 строф, до нас дошло, по-видимому, всего около 60% первоначальной VIII главы (в ней 19 строф по напечатанному при жизни Пушкина варианту и 31 строфа по белой рукописи).³³ Это уже само по себе заставляло бы подозревать, что в ней были уничтоженные строфы, даже если не было бы приводившихся выше свидетельств А. И. Тургенева и П. А. Катенина.³⁴

В предисловии к изданию «Отрывков из путешествия Онегина» Пушкин писал: «П. А. Катенин (коему прекрасный поэтический талант не мешает быть и тонким критиком) заметил нам, что сие исключение (VIII главы, — *И. Д.*), может быть и выгодное для читателя, вредит однако ж плану целого сочинения; ибо через то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъясненным. — Замечание, обличающее опытного художника. Автор сам чувствовал справедливость оною, но решился выпустить главу по причинам, важным для него, а не для публики» (VI, 197).

Последнее нужно, конечно, понимать: «решил выпустить по политическим соображениям».³⁵ Можно сравнить с этими словами заявления

³² А. И. Гербстман показал неосновательность мнения П. А. Попова о том, что они упоминались в «Путешествии» в самом начале, после описания Новгорода (к вопросу о пропуске строф о военных поселениях в главе «Странствие» романа «Евгений Онегин»). В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IV. М.—Л., 1962, стр. 336—353). По мнению А. И. Гербстмана, — как нам кажется, убедительному — пропущенные стихи о военных поселениях, изъятые и, возможно, зашифрованные Пушкиным, находились в главе VIII вслед за последней из «одесских строф» и перед тремя строфами заключения. А. И. Гербстман, опираясь на некоторые соображения П. В. Анненкова о возможном содержании конца главы VIII, считает, что пропущенные строфы имели характер рассказа Онегина Пушкину о военных поселениях, виденных им по дороге из Крыма в Одессу (в Херсонской губернии), после чего следовали также и другие политические рассуждения. Однако такая реконструкция не убеждает, так как, во-первых, П. В. Анненкову о содержании недостающих частей главы было известно, по-видимому, только из письма П. А. Катенина, которое таких подробностей не содержит, — к тому же и сам Катенин текста главы не слышал и знал только то, что шел нужным рассказать ему Пушкин; во-вторых, сами соображения П. В. Анненкова вовсе не обязывают к такой именно реконструкции конца VIII главы; и, наконец, П. В. Анненков даже высказывает предположение, что «по некоторым признакам» этой главы «в полном, оконченном виде не существовало», из чего видно, что ничего определенного о предполагаемом конце главы он не знал. К тому же гипотеза о том, что Онегин в Одессе рассказывал Пушкину о виденных им военных поселениях, не снимает вопроса о хронологическом пробеле между приездом героя в Одессу и отъездом его в Петербург. Тем не менее аргументы А. И. Гербстмана в пользу того, что в конце «Странствия» Пушкиным изъяты не только описание военных поселений, но и вообще строфы политического содержания, кажутся нам убедительными и совпадают с нашими собственными соображениями.

³³ Не считая одной из заключительных, записанной отдельно и не по порядку, и еще двух заключительных, которых в этой рукописи нет: одна из них известна по предшествующему черновику, а одна записана годом позже.

³⁴ На это также обращает внимание А. И. Гербстман в указанной статье (стр. 338).

³⁵ Именно в ответ на цитируемую им критику П. А. Катенина Пушкин летом 1832 года (т. е. после издания последней главы «Онегина» и перед опубликованием полного текста романа), очевидно, и заметил ему, что в VIII главе «были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования», и сослался на описание «военных поселений, заведенных гр. Аракчеевым», но прочесть пропущенный текст поостерегся. П. А. Катенин пишет, что он «слышал от покойного»

Пушкина о том, что в тексте романа есть некоторые строфы, которые он «не мог или не хотел» печатать, и что «этому дивиться нечего». Мы знаем, что одной из важнейших тому причин, наряду с чисто личными мотивами (отношения Пушкина с еще живыми людьми), был политический характер некоторых выпущенных строф (например, упоминание о Рылееве в XXXVIII строфе VI песни).

Действительно, соображения, заставившие Пушкина выбросить из романа целую главу, должны были быть исключительно вескими. Дело не только в ущербе, нанесенном образу Татьяны, — в еще большей степени пострадало развитие образа Онегина. В Петербург Онегин вернулся человеком более зрелым, многое передумавшим; его изменившееся отношение к Татьяне объясняется, конечно, не просто тем, что ее «позор теперь бы всеми был замечен и мог бы в обществе принести» сомнительную честь Онегину. Говоря так, Татьяна судила *прежнего* Онегина, которого она знала по «Альбому». Конечно, в своем отказе Онегину Татьяна была права так или иначе: в светском обществе из их любви хорошего ничего не могло бы получиться — об этом, как известно, Л. Н. Толстым написан роман «Анна Каренина». Но *нынешнему* Онегину это должно было быть уже более понятно, чем было бы *прежнему* Онегину. За время, прошедшее между VI—VII главами и главой последней, Онегин во многом изменился. Теперь, даже уединившись дома под влиянием несчастной любви, Онегин и читал вовсе не «без разбора», как уверяет нас Пушкин, может быть, «для отвода глаз»: Онегин читал, напротив, с большим разбором — перечень его чтения состоит сплошь из замечательных произведений его времени, из книг, содержащих либо раздумья о судьбах человеческого общества, государства и культуры, либо вольнолюбивые идеи.³⁶ Но все то новое, что появилось в характере Онегина, в печатном тексте романа не подготовлено, а поэтою для многих, даже очень серьезных читателей, проходит незамеченным.

Этого мало — исключением VIII главы нарушено все композиционное равновесие романа, а ему Пушкин придавал огромное значение.³⁷ Недаром в предисловии к «Отрывкам из путешествия Онегина» Пушкин предоставляет слово своему критику и затем солидаризуется с ним, — этим он как бы подчеркивает, что главу он выбросил против воли. И не случайно, что Пушкин, как мы увидим, долго колебался, пока оконча-

о содержании этой главы, но не о том, что он слышал самую главу. Отношения его с Пушкиным в это время не были близкими. Это ясно видно из характера его воспоминаний о Пушкине.

³⁶ Это — труд Гиббона, очень популярный в начале XIX века, посвященный падению Римской империи и содержащий размышления о причинах возвышения и гибели государств; сочинения Руссо с его теорией «общественного договора» и другими гуманистическими идеями, подготовившими французскую революцию; вольнолюбивый роман Мандзони «Обрученные»; философские, сыгравшие революционизирующую роль в европейской культуре сочинения Гердера; сочинения Шамфора, автора знаменитого лозунга «Война дворцам, мир хижинам»; книги мадам де Сталь о судьбах Европы и России; сочинения Бишэ, по всей видимости — «Физиологические исследования о жизни и смерти»; сочинения Тиссо — «История Наполеона» или, быть может, «Полная история французской революции», автор которых был активным участником этой революции и одним из лидеров французской либеральной оппозиции онегинского времени; сочинения выдающегося борца за веротерпимость Пьера Бейля (скорее всего его «Историко-критический словарь»); наконец, творения раннего французского просветителя Фонтенеля. Как видим, этот список литературы составлен далеко не «без разбора». В нем нет Вольтера, а также Дидро и других энциклопедистов; но с этими произведениями Онегин, конечно, был знаком уже и раньше — они входили в элементарный круг чтения образованного человека. Может быть, не случайно русские авторы, которых тогда же читал Онегин, не названы по имени («Из наших кой-кого»). Вероятно, имелась в виду и в этом случае вольнолюбивая литература, например Радищев, как и Онегин, путешествовавший по России.

³⁷ См.: Д. Б л а г о й. Мастерство Пушкина, стр. 189—190.

тельно решил изъять из печатного текста VIII главу и обозначить IX главу цифрой VIII.

«Путешествие» было *важной* главой, а не простым перечнем того, что видел Онегин по пути, каким оно дошло до нас в «Отрывках». Чтобы судить о том, что представляла собой первоначальная VIII глава, обратимся к структуре и к истории этой главы.

По печатному тексту «Отрывков из путешествия Онегина» совершенно нельзя судить об авторском замысле в этой главе. Перед нами текст, очищенный от всех политических элементов, которые имелись в рукописном варианте; выброшены не только какие-то неизвестные, не дошедшие до нас строфы, вроде упоминаемого Катениным описания восных поселений, но и дошедшие до нас в рукописи начальные строфы главы с характеристикой возникших у Онегина патриотических настроений и их мотивировкой (в частности, приведенная выше строфа «На скуча слыть или Мельмотом») и строфа с описанием Новгорода, выдержанным вполне в декабристском духе, а также строфа с критической характеристикой Москвы. Даже из строфы о Нижнем Новгороде выпущены строки, показывающие, что этот город интересовал Онегина как «отчизна Минина», которого декабристы считали первым «гражданином» на Руси. Помимо этих, выброшенных в печатном издании, но сохранившихся в рукописи строф, недостает еще, видимо, строф десяти—двадцати,³⁸ очевидно, также политических по содержанию, иначе Пушкин включил бы их в «Отрывки из путешествия Онегина».

Судя по черновым рукописям (VI, 464—506), VIII глава складывалась следующим образом:

Самой старой частью главы (1825 год) является описание Одессы. В нем сначала еще ничего не говорилось о приезде в Одессу Онегина, и оно вовсе не предназначалось для VIII главы.³⁹

Когда Пушкин в 1829 году приступил к VIII главе, он начал с отрывка «Блажен, кто смолоду был молод...». Впоследствии этот отрывок был перенесен в последнюю главу, но в то время он подготавливал переход к сообщению о возникшей у Онегина жажде патриотической деятельности. В самом деле, поскольку

Несносно думать, что напрасно
Была нам молодость дана...
И вслед за чинною толпою
Идти, не разделяя с ней
Ни общих мнений, ни страстей,

постольку вполне логично, что у Онегина возникло желание чего-то более высокого:

Наскуча слыть или Мельмотом,
Иль маской щеголять иной
Проснулся раз он Патриотом
В Hôtel de Londres, что в Морской...

³⁸ Сам Пушкин в июне 1830 года отметил в описи своих сочинений, что в VIII главе — 600 строк, т. е. как бы 43 строфы и 2 строки. Однако этому не следует придавать значения, так как в том же списке длина в 600 строк приписана всем главам Онегина; лишь при главах I и II стоит по цифре «500», хотя в действительности I глава — самая длинная (756 строк), а II — самая короткая (560 строк). IX глава, включенная в подсчет, в это время вообще еще не была закончена. Эта запись означает лишь, что для Пушкина в это время роман должен был быть завершен в девяти полных главах. См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. «Academia», 1935, стр. 252—253.

³⁹ Оно написано на черновике IV главы. Однако эти строфы не могли быть предназначены для этой или двух последующих глав, так как вводящая их фраза «Я жил тогда в Одессе» относит эти строфы к 1823—1824 годам, между тем как действие IV—VI глав происходит в 1820—1821 годах; это была заготовка для предполагавшейся второй части романа, которая должна была начаться после главы VI (а именно для VII главы; впрочем, разбивка второй части на главы первоначально вряд ли могла быть вполне ясна Пушкину).

(так звучала последняя строфа отрывка «Блажен, кто смолоду был молод» в первоначальном варианте).

Если не считать отдельных черновых строф, существуют две основных рукописи VIII главы («Путешествие»): черновик, написанный Пушкиным в Москве и в селе Павловском в октябре 1829 года, и полубеловик, по-видимому, написанный в ноябре—декабре 1829 года.⁴⁰ По структуре обе рукописи довольно близки, и мы поэтому вкратце остановимся только на второй.

Глава открывается размышлением, мотивирующим тягу Онегина к общественной деятельности: «Блажен, кто смолоду был молод» и следующими строфами вплоть до «Наскуча слыть или Мельмотом», причем патриотические мысли возникают у Онегина в первом варианте — в Петербурге, а во втором, — по-видимому, в его имении, ранней весной. Затем «июля 3-го числа» (1821 года) Онегин выезжает в путешествие: в Новгород, где он пытается вдохновиться воспоминаниями республиканской старины; в Москву, где он проводит балльный сезон 1821—1822 года и критически оценивает старую барскую среду; затем в Нижний, «отчизну Минина», куда он прибывает во время ярмарки, т. е. в июне (1822 года); затем по Волге (в связи с чем возникают воспоминания о Разине) в Астрахань и далее на Кавказ, где, по-видимому, он проводит зиму 1822—1823 года; потом в Крым, куда он попадает в 1823 году, и, наконец, в Одессу, где он застаёт Пушкина. На это место теперь перенесен отрывок «Я жил тогда в Одессе...».

После описания встречи автора и Онегина в Одессе в новом варианте следует начало строфы:

[Святая] дружба — глас природы!
Взглянув друг на друга потом,
Как Цицероновы Авгуры,
Мы рассмеялись тишком.

Эта строфа недописана, а остальные ее части — четверостишие и два трехстишия — условно обозначены или зашифрованы одной строкой из четырех тире и двумя строками в три тире.⁴¹ Далее в беловой рукописи стоят римские цифры «XV—XX...»,⁴² что, как нам кажется, должно означать, что в этом месте следовало вставить некоторое количество строф из какого-то предыдущего варианта. Вообще в этой рукописи Пушкин не всегда переписывал целиком уже ранее готовые строфы, которым давал то или иное место в этом новом варианте главы, а иногда только помечал их, обычно их первой строкой. Но если следующие здесь строфы носили

⁴⁰ См.: А. И. Гербстман. К вопросу о пропуске строф о военных поселениях в главе «Странствие» романа «Евгений Онегин», стр. 337—338.

⁴¹ Эти тире не могут, как это думает А. И. Гербстман (К вопросу о пропуске строф о военных поселениях в главе «Странствие» романа «Евгений Онегин», стр. 349), означать «количество изъятых строф», так как на последние указывают не эти тире, а римские цифры ниже; обозначать пропущенные строфы дважды разными способами не имело смысла.

Правда, схема «онегинской строфы» не 4 + 4 + 3 + 3, а 4 + 4 + 4 + 2, но если в недописанной строфе был, например, синтаксический переход из двенадцатой в тринадцатую строку, то строфа могла быть записана и так. Например, в VII главе почти половина строф синтаксически имеет структуру 4 + 4 + 3 + 3; много таких строф и в «Путешествии».

⁴² В академическом издании прочитано «XV—XXIII», А. И. Гербстман читает «XV—XXIV» или «XV—XXVII». Последняя цифра ясно не выписана, а переходит в волнистую черту; какой знак должен был следовать после XX — совершенно неясно, это могло бы быть и I, и V, и даже начатое X; следующие штрихи также могли бы быть и V, и II, и недописанное X; вернее всего считать, что Пушкин только начал писать вторую римскую цифру и что она начиналась с двух римских десятков и означала какое-то число, большее, чем XX. Это не номера очередных строф, так как до этого в рукописи имеется не четырнадцать строф, а тридцать одна.

слишком резко политический характер, то вполне естественно, что Пушкин обозначил их даже не первыми строками, а только их номерами.⁴³ Стоящая после римских цифр волнистая черта, как указывает А. И. Гербстман, вероятно, означает пропуск или изъятие дальнейшего текста (VI, 504).

Первая из трех строф окончания главы со словами о том, что Пушкин и Онегин «бродили по берегам Эвксинских вод» недолго, в этой рукописи отсутствует, а следующая строфа с лирическим отступлением о Тригорском вписана в текст вне логической последовательности. Что касается последней строфы окончания VIII главы с продолжением описания Тригорского, то оно написано на отдельном листке (ПБ 169), относящемся к гораздо более позднему времени (18 сентября 1830 года), когда уже была полностью или частично написана следующая глава. По видимому, в это время Пушкин работал над подготовкой VIII главы к печати, о чем мы скажем ниже.

Итак, нам известно: 1) что VIII глава («Путешествие») безусловно содержала декабристские мотивы (с чем в настоящее время, по-видимому, согласны все исследователи); 2) что она была посвящена состоянию России в начале 20-х годов, т. е. тому же, чему и зашифрованные строфы; 3) что Пушкин изымал из нее строфы политического содержания; 4) что до нас не дошло из текста этой главы (в конце ее) довольно значительное количество строф.

Загадочные «декабристские строфы», числом семнадцать, также посвященные состоянию России в 1820—1823 годах и его предыстории (включая европейские события), вполне могли, следовательно, относиться к «Путешествию Онегина», в соответствии со свидетельством А. И. Тургенева. Если бы не дневник П. А. Вяземского, к данным которого мы еще вернемся, вряд ли кому-либо пришло бы в голову поместить их куда-либо в иное место романа.

По нашему мнению, именно после строфы «Святая дружба — глас природы!!» (включая строки, обозначенные с помощью тире) следует поместить «декабристские строфы». Они как нельзя лучше идут здесь к общему тону повествования, поскольку описательный характер предыдущих строф вполне согласуется с последующим историческим обзором. Они вполне подходят сюда и в смысле хронологии: путешествие Онегина относится к 1821—1823 годам, а события в «декабристских строфах», если не считать некоторых общих экскурсов в историю наполеоновских войн, естественных для рассказа о предыстории декабристского движения, относятся в основном к 1820—1823 годам.⁴⁴ Выражение «Властитель слабый и лукавый... над нами царствовал тогда», естественно, может быть отне-

⁴³ К такому же выводу пришел и А. И. Гербстман в указанной статье.

⁴⁴ См. выше прим. 28 с датами событий в «декабристских строфах». Если цифры в конце рукописи читаются «XV—XXIII (?)», то они могут относиться к первой—девятой зашифрованным строфам, представляющим законченное целое. Содержание их таково: характеристика личности и исторической роли Александра; Александр и наполеоновские войны; русский народ и «гроза двенадцатого года», русский народ и царская власть, русский народ и падение Наполеона, понятие, вероятно, в духе стихотворения «Наполеон» («Да будет омрачен позором Тот малодушный, кто в сей день Безумным возмутит укором Его развенчанную тень. Хвала! Он русскому народу Высокый жребий указал, И миру вечную свободу Из мрака ссылки завещал»); Наполеон, угасающий на острове Св. Елены; революционные события, разворачивающиеся в Европе в 1820—1823 годах; Веронский конгресс 1822 года. Последующие строфы, начиная с середины десятой, вводят уже другую тему: революционное движение в России. Поэтому к ним цифры «XV—XXIII (?)» могли уже не относиться; на дальнейшее продолжение текста могла указывать волнистая черта. Конечно, подобное отождествление неизвестных строф XV—XXIII (?) или XV—XXIV (?) именно с этими девятью или десятью строфами гипотетично. Но и в дшевпиковой записи Вяземского строфы «о 1812 году и следующих» отделены от собственно декабристских; видимо, Пушкин читал ему ту и другую группу строф каждую отдельно.

сено ко времени, когда перед Онегиным развернулась картина внутреннего состояния России. Характерно, что историю Европы Пушкин обрывает на Веронском конгрессе 1822 года. Это обстоятельство чрезвычайно важно для суждения о том, в каком месте романа должны были находиться зашифрованные строфы, поскольку каждая глава «Онегина» хронологически совершенно точно приурочивается. Если бы эти строфы должны были подводить к русским событиям 1825 года, то и вводный очерк истории Европы должен был бы скорее всего быть доведен тоже до 1825 года. То обстоятельство, что в нем нет событий после Вероны, еще раз свидетельствует о том, что зашифрованные строфы предназначались для такой главы романа, действие которой происходит не позже 1823 года.

Описав непосредственные впечатления Онегина от путешествия по России в 1821—1823 годах, Пушкин в своих строфах об Александре и Наполеоне, после экскурса в историю Европы, дает характеристику ее состояния к моменту приезда Онегина в Одессу, т. е. к 1823 году. Далее Пушкин возвращается несколько назад, чтобы подойти к истории России. Ее вводит переходная десятая зашифрованная строфа. В ней, правда, еще упоминается европейское событие — Веронский конгресс, но она уже подводит от истории Европы к новой теме — внутреннему положению России: русский народ — не средство «всех унимать», как думает выступающий на конгрессе император; на замыслы царя он «и в ус не дует», в нем бушуют свои революционные силы. Собственно события русского революционного движения⁴⁵ — если только в десятой строфе не было упомянуто и о Чугуевском восстании 1819 года — вводятся упоминанием о волнениях в Семеновском полку в 1820 году в одиннадцатой строфе, с грозным напоминанием о роли его в свержении Павла I (строфа одиннадцатая — «Потешный полк Петра Титана»). Следующие строфы посвящены Союзу Благоденствия и революционному движению в Петербурге, созданию Южного общества и сети тайных организаций, т. е. событиям и фактам, характеризующим состояние России к концу 1823—началу 1824 года, ко времени встречи Пушкина с Онегиным в Одессе. По дороге на север Онегин вполне естественно мог посетить летом или осенью 1824 года и те упомянутые в последней «декабристской» строфе места,

... где ранее весна
Блестит над Каменкой тепистой
И над холмами Тульчина...

В течение семнадцати строк герой отсутствовал в повествовании. Где-то здесь описание возникающего революционного движения должно было столкнуться с судьбой Онегина. Он должен был, подобно самому Пушкину,⁴⁶ встретиться с декабристами Южного общества — иначе

⁴⁵ Мы уже упоминали, что А. И. Гербстман, аргументация которого очень близка к нашей, предполагает, что пробел в конце бывшей VIII главы был занят строфами о военных поселениях и Аракчееве. Нам трудно представить себе, что именно военным поселениям было уделено так много места. Пушкин, объясняя Катенину причину исключения VIII главы и отговариваясь упоминанием в ней военных поселений, мог и не сказать ему о более существенных вещах, содержащихся в этой главе. Быть может, Онегин на обратном пути из Одессы видел военные поселения в хорошо знакомой Пушкину Новгородской губернии. Учрежденные впервые в 1816—1817 годах, они достигли большого развития в начале 20-х годов. Однако дело в том, что Аракчеев («Александровский холоп») уже упомянут в одной из самих зашифрованных строк, а именно в десятой строфе. Возможно, что конец этой-то строфы и был посвящен военным поселениям (хронологически Чугуевское восстание военных поселенцев 1819 года вполне могло быть помещено перед одиннадцатой строфой, посвященной волнениям 1820 года в Семеновском полку).

⁴⁶ В маршруте Онегина, как он описан в «Путешествии», почти нет мест, которые сам Пушкин не видел бы в своих собственных странствиях, на что обратил внимание уже П. А. Попов. Поэтому путь Онегина на север тоже должен

трудно себе представить композиционное назначение последних «декабристских строф». И тогда понятен неслучайный подбор чтения Онегина в следующей главе, в течение предреволюционной зимы 1824—1825 года. Напротив, это чтение необъяснимо, если полагать, что оно было вызвано только несчастной любовью. Без декабристских настроений в предпоследней главе непонятно также, о какой это «пылких душ неосторожности» говорится в связи с характеристикой Онегина в главе последней. Эта характеристика не вяжется с тем, что мы знаем об Онегине.

Конечно, это не значит, что сам Онегин мыслился Пушкину к моменту приезда в Петербург в конце 1824 года декабристом, независимо от того, должен ли он был по первоначальному плану совершить дальнейшую эволюцию в сторону декабризма или нет. Не случайно поэт иронически относится к патриотически-романтическим реминисценциям, заставляющим Онегина совершать путешествие по России,⁴⁷ — и Новгород, и «отчизна Минина», и все прочие дорожные картины вызывают у него только «тоску, тоску», лишь постепенно переходящую в озлобление. Но Онегин, как он представлен в последней главе, не мог пройти мимо общественных движений своего времени, и роман, эта «энциклопедия русской жизни», был бы без них не полон, а его герой, каким он является в заключительной главе — непонятен.

Таким образом, зашифрованные «декабристские строфы» вполне уместны в конце главы «Путешествие», как в хронологическом отношении (поскольку события 1820—1823 годов и исторически подготовившие их обстоятельства, начиная с наполеоновских войн, естественно, примыкают к описанию России 1821—1823 годов в «Путешествии»), так и в композиционном (подготовка дальнейшего развития героя) и в стилистическом (одинаковый обзорно-описательный характер повествования). «Путешествие» и «декабристские строфы» даже объединяются как лейтмотивом словом «тогда»:

Я жил тогда в Одессе пыльной...
 Итак, я жил тогда в Одессе...
 Властитель слабый и лукавый...
 Над нами царствовал тогда...

Не случайно, встретившись после долгой разлуки, Пушкин и Онегин рассмеялись, «как Цицероновы Авгуры»: ⁴⁸ авгуры смеялись потому, что знали то, чего не знало большинство людей, — ложность предметов их веры. Пушкин, а теперь и Онегин, освободились к этому времени от многих иллюзий о российской действительности. Отсюда — естественный переход к истории возникновения этой действительности и возмущения против нее.

Таким образом, с нашей точки зрения, первоначальная VIII глава состояла из двух стилистически и композиционно однородных частей, которые ясно и воспринял А. И. Тургенев, а именно — из «путешествия Онегина по России» и из «возмущения 1825 года», точнее, из истории возникновения этого возмущения. Нет ничего, что с точки зрения хронологии, композиции и стиля противоречило бы помещению «декабристских строф» в VIII главу («Путешествие»), и, есть многое, что объяснимым

был пролегать через места, которые проезжал Пушкин, но только не те, по которым он ехал в Михайловскую ссылку, так как в заключении к «Путешествию» Пушкин говорит, что они ехали с Онегиным врозь. Таким образом, речь может идти о Елисаветграде, Екатеринославе, Киеве и т. п., и *Каменке*.

⁴⁷ Некоторая ирония присутствует и в самих «декабристских строфах»: ср. слова о том, что «Хромой Тургенев... Предвидел в сей толпе дворян Освободителей крестьян».

⁴⁸ Пушкин имеет в виду известное место из книги Цицерона «О гаданиях» (Cicero. De div., II, 24).

только при этом предположении. Оно дает, как нам кажется, психологическое и композиционное обоснование развитию образа Онегина. Если же Пушкин действительно, как это следует из сообщения М. В. Юзефовича, имел в виду в качестве возможных вариантов судьбы Онегина либо заставить его погибнуть на Кавказе, либо привести его в дальнейшем в среду декабристов,⁴⁹ то этот сюжетный поворот был бы оправдан соприкосновением героя с декабризмом уже до 1825 года. Только лишь как результат крушения любви к Татьяне такая эволюция Онегина была бы недостаточно естественной. Таким образом, бывшая VIII глава могла бы мыслиться как композиционная подготовка к первоначально задуманному Пушкиным продолжению романа за грань 1825 года.

Однако если мы, как нам кажется, показали, что «декабристские строфы» *воплне могли* принадлежать к VIII главе («Путешествию»), то необходимо еще показать, что они *не могли* принадлежать к X главе и что такой главы вообще не было. О том, что эти строфы не могли быть *началом* какой бы то ни было главы, в том числе и X, уже говорилось.

3

Однако какая-то X глава существовала же — для X главы Пушкин что-то отбирал из главы VIII, а потом какую-то X главу сжег, и какую-то X главу, напротив, давал на цензуру Николаю; а Вяземский прямо свидетельствует, что в состав еще не написанной X главы Пушкин намеревался включить строфы о 1812 году, вошедшие в число зашифрованных. Как согласовать все это с нашим предположением?

Чтобы правильно понять эти факты, нужно разобраться в истории написания последних глав «Онегина».

В 1828 году была издана VI глава «Онегина» с пометой «Конец первой части». Изучение композиционных приемов Пушкина, как уже упоминалось, заставляет с большой долей уверенности считать, что в 1828 году Пушкин представлял себе завершение «Онегина» в двенадцати главах.

В том же году, 4 ноября, была закончена и переписана VII глава, в которой Пушкин доводит ход событий до 1822 года. Вскоре после этого поэт уехал на Кавказ. Можно думать, что еще до отъезда он начал работать над VIII главой: до нас дошел томик «Айвенго» Вальтера Скотта, принадлежавший библиотеке родственников А. П. Керн — Полторацких, где на титульном листе имеется датированный мартом 1829 года автограф Пушкина с четзеростишием из пятнадцатой шифрованной строфы. В то время лишь недавно была закончена VII глава; даже IX главы не существовало, и не существовало, конечно, и X: стало быть, шифрованные строфы либо были заготовкой, пока еще не приуроченной ни к какой главе, либо наброском главы VIII. Во всяком случае, тогда Пушкин еще не предполагал, что действие романа закончится до декабрьского восстания: в июне 1829 года Пушкин говорил М. В. Юзефовичу и другим, что

⁴⁹ Свидетельство М. В. Юзефовича приведено в статье Г. В. Томашевского в «Литературном наследстве» (т. 16—18, стр. 387). По замечанию Г. В. Томашевского, М. В. Юзефович, писавший через полвека после встречи с Пушкиным, возможно, ошибся и Онегин должен был попасть в число декабристов, быть сосланным на Кавказ и там погибнуть. Но само свидетельство, вопреки некоторому сомнению Г. В. Томашевского, следует считать надежным, так как всякое продолжение романа за пределы весны 1825 года неизбежно должно было повлечь за собой введение декабристской темы. Это, как нам кажется, один из решающих доводов против гипотезы А. И. Гербстмана о том, что Пушкин написал новый вариант X главы, с описанием нового путешествия Онегина (очевидно, в 1825 году?), и этот вариант представил на цензуру Николаю. Каким образом было бы возможно в подобном варианте обойти декабрьское восстание?

Онегин должен «или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов». В тот год Пушкин встречался с бывшими декабристами, и его политические симпатии к ним вспыхнули с новой силой.

Вернувшись с Кавказа осенью 1829 года с этими замыслами и настрояниями, Пушкин стал работать над VIII главой («Путешествие»). «Декабристские строфы», по всей вероятности, уже существовали полностью или частично,⁵⁰ и странствия Онегина, возможно, и были задуманы как переход к ним. Именно этим обстоятельством, может быть, и объясняется то, что в черновиках «Путешествия» «декабристских строф» нет, а есть только помета, указывающая, как мы полагаем, на них как на уже ранее сочиненные. Глава VIII была Пушкиным написана и в основном закончена осенью 1829 года.⁵¹ Впоследствии сам поэт датировал эту главу именно 1829 годом. Лишь заключение главы было завершено, как показывает дата на листке с последней строфой, позже, вероятно, когда первоначальное заключение перерабатывалось. Все дальнейшее, с нашей точки зрения, объяснимо только если мы предположим, что эта глава в первоначальном виде была к концу 1829 года уже готова.

Лишь завершив основную работу над VIII главой, Пушкин тогда же, именно 24 декабря 1829 года (VI, 507), начал черновые строфы IX (ныне VIII) главы.⁵² Но только начал, а не закончил, так как, по записи самого Пушкина, местом написания IX главы значится Болдино, куда поэт выехал лишь 1 сентября 1830 года.

Таким образом, к началу болдинской осени уже существовала VIII глава («Путешествие») и была начата IX (ныне последняя) глава. Никакой X главы, естественно, еще не было, так как Пушкин писал главы «Онегина» по порядку.⁵³ Конечно, он мог переносить отдельные строфы, написанные ранее, в более поздние главы или начинать новую главу, еще не совсем доделав предыдущую, но для нас важно, что в сентябре 1830 года X главы как таковой не существовало.

⁵⁰ На бумаге черновика пятнадцатой — семнадцатой «декабристских строф» водяной знак 1827 года, на бумаге шифровки — 1829 года; поэтому ничто не заставляет считать, что они были написаны лишь в 1830 году.

⁵¹ На черновике ЛБ 82 — даты 2 и 3 октября (у V и XI строф); полубеловик ПБ 18 был написан, по мнению А. И. Гербстмана, не позже декабря 1829 года. См.: А. И. Гербстман. К вопросу о пропуске строф о военных поселениях в главе «Странствие» романа «Евгений Онегин», стр. 337—338.

⁵² Сохранились в той же рукописи ЛБ 82, что и черновик VIII главы.

⁵³ Это видно из следующей таблицы:

№ главы	Начата	Копчена	Дополнительная работа	Опубликована
I	9 V 1823	22 X 1823		1825
II	22—23 X 1823	8 XII 1823		1826
III	8 II 1824	2 X 1824		1827
IV	? 1825	6 I 1826	1825 — строфы об Одессе, включенные позже в VIII гл.	1828
V	4 I 1826	22 XI 1826?		
VI	(Вторая половина 1826)		Последние строфы помечены «10 августа» (1827?)	1828
VII	18 III 1827	4 XI 1828		1830
VIII	2 X 1829 (III 1829 ?)	XII 1829 ?	Заключительная строфа — 18 IX 1830	«Отрывки из путешествия» 1833
IX	24 XII 1829	25 IX 1830	Письмо Онегина и окончательная доработка — октябрь 1831	1832

Решение Пушкина завершить роман в девяти главах отразилось в группе строф, полностью не сохранившихся до нашего времени; но недостающая строфа процитирована самим автором в 1833 году в предисловии к «Отрывкам из путешествия Онегина».⁵⁴

В Болдине Пушкин привел в порядок IX главу «Онегина» уже в качестве последней главы романа. Для его друзей и почитателей решение Пушкина кончить роман на IX главе было новостью, которую Вяземский специально записал в свой дневник после возвращения Пушкина из Болдина в декабре 1830 года. Как мы видели, до этого среди читателей не только считалось, что роман будет длиннее, но даже носились слухи о том, что поэтом уже написаны VIII, IX и X главы, чего в действительности не было.

Решение завершить роман в девяти главах требовало подготовить главу VIII к печати. Опа, правда, была готова еще в 1829 году, но ее надо было привести в вид, приемлемый для цензуры.⁵⁵ Как сообщает сам

⁵⁴ Пушкин писал в этом предисловии: «Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России. От него зависело означить сию выпущенную главу точками или цифром; но во избежание соблазна решился он лучше выставить, вместо девятого нумера, осьмой над последней главою Евгения Онегина и пожертвовать одною из окончательных строф:

Пора: перо покоя просит...»

Необходимо установить, когда Пушкин написал эту строфу и в каком месте последней главы она должна была быть помещена. Это позволит датировать его решение закончить роман в девяти главах.

Место, на которое должна быть помещена выпущенная строфа, не вызывает больших сомнений: естественно было поместить ее после нынешней XLVIII строфы, конец которой явно подводит не к нынешней XLIX, а к процитированной Пушкиным пропущенной строфе, вместе с которой она, по всей вероятности, составляет одно целое. На это указывает общая для обеих метафора берега и «ключевое слово» «пора»:

И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда. За ним
Довольно мы путем одним
Бродили по свету. Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!

Давно б (не правда ли?) пора!

Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал —
Хвала вам, девяти Каменам...

Поэтому вопрос о времени происхождения пропущенной строфы связан с историей нынешней строфы XLVIII.

Она появляется в болдинском беловом автографе, озаглавленном «Евгений Онегин. Пес. IX» и датированном 25 сентября 1830 года. Здесь строфы нумерованы с I по XLIII (по нынешнему счету XLVII, конец монолога Татьяны). Следующие затем строки заключения (ныне строфы XLVIII, XLIX, L и LI) также включены в беловик, но не перенумерованы, как если бы их место в главе было не вполне ясно или они были впервые добавлены. Строфа, кончающаяся словами «Давно б (не правда ли?) пора», здесь имеется, но связанной с ней строфы «Пора: перо покоя просит» нет. Это может означать одно из двух: либо пропущенная строфа была написана раньше и к 25 сентября 1830 года уже выпущена в связи с появившейся было у Пушкина мыслью выпустить всю VIII главу, либо она была добавлена к тексту беловика позже, между 25 сентября 1830 года и октябрём 1831 года (т. е. тем моментом, когда решение исключить VIII главу было принято Пушкиным окончательно). Так как нам представляется, что XLVIII строфа и пропущенная строфа представляют собой органическое единство, нам кажется более вероятным, что строфа «Пора: перо покоя просит» была сочинена до 25 сентября 1830 года, вместе с нынешней строфой XLVIII, и до этого же момента уже была выпущена.

Таким образом, мы полагаем, что мысль окончить роман IX главой пришла Пушкину к тому времени, когда была написана строфа «Пора: перо покоя просит», возможно, еще до Болдина, во всяком случае до завершения IX главы, т. е. когда X главы как таковой не могло существовать.

⁵⁵ Хотя эта глава и была окончена еще в 1829 году (ср. дату в плане-оглавлении, составленном Пушкиным), но в этом же проекте оглавления романа при главе VIII дата «1829» стоит после помет «Моск. Павл.» и перед пометой «Болд.»;

Пушкин в черновике предисловия к VIII и IX главам, написанном 28 ноября 1830 года, ему уже тогда или даже раньше приходила мысль вовсе исключить VIII главу, — возможно, еще до Болдина (вероятно, именно к этому периоду относится исключение строфы «Пора: перо покоя просит; Я девять песен написал» и т. п.). Но затем Пушкин решил сохранить главу о путешествии Онегина. Чтобы ее можно было напечатать, очевидно, пришлось отрезать почти половину строф в ее конце, ввиду их политического характера;⁵⁶ это привело к упоминавшемуся нами нарушению хронологии романа. Глава получила уже известное нам завершение:

Недолго вместе мы бродили
По берегам Эвксинских вод,
Судьбы нас снова разлучили
И нам назначили поход.
Онегин, очень охлажденный,
И тем, что видел, насыщенный,
Пустился к невским берегам.

А я от милых южных дам,
От жирных устриц черноморских,
От оперы, от темных лож
И, слава богу, от вельмож
Уехал в тень лесов Тригорских
В далекий северный уезд,
И был печалеп мой приезд.

И далее — две строфы описания Тригорского. Работа по подготовке «Путешествия» к печати в новой редакции была закончена в Болдине 18 сентября 1830 года, что видно из даты, поставленной Пушкиным на листке с последней из заключительных строф VIII главы.⁵⁷ Примерно к тому же времени (сентябрь—октябрь?) относится стихотворение «Герой», в котором Пушкин использовал несколько строк из восьмой зашифрованной строфы; это указывает на то, что, во-первых, эти строфы уже ранее существовали (между тем как никакой X главы тогда еще не

это означает, что, в основном написав эту главу в 1829 году, Пушкин опять работал над ней в Болдине, иными словами, переделывал ее. Характер этой переделки нетрудно угадать.

⁵⁶ Вероятно, Пушкин предполагал сократить и «патриотическое» обоснование путешествия Онегина; по крайней мере, уже через несколько дней он использовал стихи из первой строфы «Путешествия» в беловом варианте IX главы (строфа XI, ныне VIII). Это та самая строфа, которая имеет помету «в X песнь». Как уже упоминалось, целиком эта строфа в X главу не могла бы войти по хронологическим причинам, так что речь могла идти только об отдельных строках. Мы полагаем, что помета была сделана позже, вероятно в октябре 1830 года.

⁵⁷ А. И. Гербстман (к вопросу о пропуске строф о военных поселениях в главе «Странствие» романа «Евгений Онегин», стр. 349—350) обратил внимание на цифровые выкладки, сделанные Пушкиным на том же листке, где написана эта заключительная строфа, весьма остроумно предполагая, что это — исчисление количества строф в главе в связи со сделанными сокращениями. Выкладки эти следующие:

$$\begin{array}{r} 17 \\ 4 \\ \hline 21 \\ 10 \\ \hline 31 \end{array}$$

По А. И. Гербстману, 4 — это четыре вступительных строфы, не вписанные Пушкиным в рукописи 1829 года полностью, а только помеченные первой строкой; 17 — это 17 строф беловой рукописи, за вычетом 10 строф, которые уже ранее были напечатаны; $17 + 4 = 21$; к этой 21 строфе прибавлено 10 строф, которые, по мнению А. И. Гербстмана, были заняты описанием военных поселений и связанными с этим размышлениями. Однако поскольку целью выкладки было, очевидно, выяснить длину сокращенной главы, постольку то обстоятельство, что какие-то строфы были ранее напечатаны, не могло заставить Пушкина выкинуть их из расчета. Стало быть, цифра 10 скорее всего именно и соответствует ранее напечатанным строфам, которые в беловой рукописи Пушкина (как и первые четыре) не были выписаны полностью, а лишь помечены первыми строками; 31 — это число строф в беловой рукописи «Путешествия» (не считая одной из заключительных, вписанной отдельно и не на своем месте). Что же значит отдельный столбец с цифрами $17 + 4$? Если $21 + 10 = 31$ — это сохранившиеся подцензурные строфы главы, то можно предполагать, что $17 + 4$ — это исключенные из главы строфы: 17 «декабристских» и, может быть, 4 строфы первоначального заключения главы. Конечно, все предположения такого рода поневоле могут быть только крайне гипотетическими.

было, так как не завершена была IX),⁵⁸ а во-вторых, что Пушкин не предполагал использовать ее в печати иначе. С нашей точки зрения, это свидетельствует о том, что зашифрованные строфы в это время были исключены из текста «Онегина».⁵⁹

Затем настала очередь окончательной (как казалось Пушкину) работы над IX, последней главой. Эта работа была завершена 25 сентября 1830 года (так датирован беловик, озаглавленный «Евгений Онегин. Пес. IX»). Наиболее существенные отличия этого текста от знакомой нам редакции заключаются в ином, более пространным тексте вступительных строф («В те дни, когда в садах Лицея. . .»), в отсутствии строф IX—XIII (строфы «Блажен, кто смолоду был молод» и сообщение о том, что делал Онегин за время, истекшее от VII до последней главы, — это свидетельствует о том, что VIII глава еще не была исключена) и в отсутствии «Письма Онегина».⁶⁰

На другой день после завершения текста IX главы Пушкин составляет как бы проект оглавления «Онегина» в девяти главах, которое одновременно очень четко передает композиционную структуру романа. Проект этот хорошо известен (VI, 532):

<i>«Часть первая</i>	Предисловие
I песнь	Хандра Кишнев, Одесса
II —	Поэт Одесса 1824
III —	Барышня Одесса. Мих. 1824
<i>Часть вторая</i>	
IV песнь	Деревня Михайлов. 1825.
V —	[Про] Имянины Мих. 1825. 1826
VI —	Поединок Мих. 1826
<i>Часть третья</i>	
VII песнь	Москва Мих. П. Б. Малинн. 1827.8
VIII —	Странствие Моск. Павл. 1829. Болд.
IX —	Большой свет Болд.

Примечания

1823 год 9 мая Кишнев — 1830 25 сент. Болдино
26 сент. А П

И жить торопится и чувствовать спешит

К<нязь> В<яземский>

7 ле<т> 4 ме<сяца> 17 д<ней>»

Таким образом, Пушкин подводит для себя итог романа, вычисляет даже, сколько лет, месяцев и дней работа над ним у него отняла, выбирает к нему эпиграф, дает его схему, как она представляется ему в окончательном виде. VIII глава входит в роман, но о X все еще нет и речи.

Та композиция романа, на которой Пушкин теперь остановился, как мы уже видели, требовала в случае его издания коренной переделки

⁵⁸ Что эта строфа уже существовала еще в 1829 году, теперь ясно также и из автографа Пушкина на титульном листе «Айвенго».

⁵⁹ В самом деле, трудно предположить обратное, — что Пушкин использовал для зашифрованных строф романа строчки из ранее написанного стихотворения, предназначенного для печати («Герой» был прислан для напечатания Погдину в начале ноября 1830 года еще из Болдина).

⁶⁰ Другие отличия не принципиальны; некоторые строфы впоследствии выпущены (например, строфа о появлении императрицы на бале), другие впоследствии добавлены (строфа с воспоминанием Онегина о дуэли); прочие отличия сводятся к иным редакциям некоторых стихов.

VIII главы и ее сокращения с тем, чтобы исключить из нее все политические моменты. А спасти главу он решил твердо и мысль об исключении «Путешествия» отбросил. 28 ноября 1830 года он написал предисловие к последним двум главам романа в «девятиглавном» варианте и в декабре сообщил П. А. Вяземскому, что закончил роман в *девяти* главах.

Однако поскольку он, очевидно ради возможности ее напечатать, изъял целый ряд важных для него политических строф из VIII главы, Пушкин встал теперь перед вопросом: что ему делать с изъятыми строфами дальше. Он пожалел просто выкинуть их и вернулся к мысли довести действие романа до последекабрьского периода,⁶¹ как это было им задумано в 1828—1829 годах, но, конечно, с тем, чтобы писать дальнейшие главы не для печати. Об этом Пушкин прозрачно намекнул 28 ноября 1830 года в предисловии к подготовленным было для печати VIII и IX главам (VI, 541):

«Вот еще две главы» Евгения Онегина — [вероятно] последние, по крайней мере для печати... Осьмую главу я хотел было вовсе⁶² уничтожить и заменить одной римской цифрой, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны».⁶³ Это предисловие подтверждает, что еще до 25 сентября 1830 года Пушкин хотел было опустить VIII главу, а к 25 сентября вернулся к мысли ее спасти, исключив из нее все «крамольное». Но оно показывает также, что Пушкин стал думать о продолжении романа «не для печати». Такое продолжение, как уже говорилось, неизбежно привело бы героя в соприкосновение с кризисом 1825 года, и декабрьской темы в дальнейших главах «не для печати» было не мшповать. Что могло быть естественнее при этих условиях, чем, изымая «декабристские строфы» из VIII главы, отложить их как заготовку для X главы «не для печати»? Здесь впервые для Пушкина появляется понятие «X главы», но строфы ее состояли не из чего иного, как из неподцензурных строф VIII главы, написанных еще год назад. Вот почему у «декабристской строфы» из VIII песни «Наскуча слыть или Мельмотом» появилась помета «в X песнь», и вот почему, вернувшись в декабре 1830 года из Болдина, Пушкин читал П. А. Вяземскому строфы «о 1812 годе» в качестве заготовки для «X главы предполагаемой», т. е. еще не написанной.

Так или иначе Пушкин вряд ли мог начать писать X главу прежде, чем кончил IX, а она была окончена только 25 сентября 1830 года, и еще 26 сентября 1830 года он подводил для себя итоги роману и ни о какой X главе не думал. Конечно, имея в виду скорость, с какой Пушкин работал болдинской осенью, можно допустить, что он задумал X песнь и затем написал семнадцать «декабристских строф» после 26 сентября и до 19 октября (день, когда он «сжег X песнь»),⁶⁴ однако в свете всего изло-

⁶¹ Было ли это решение принято после составления беловика IX главы и оглавления, т. е. в октябре 1830 года, или же раньше, когда Пушкину впервые пришла мысль вовсе выбросить VIII главу? Мы полагаем, что первое предположение вероятнее: именно в это время Пушкин подводил итоги своей работе над романом; но чем раньше решение было принято, тем менее вероятности, что текст X главы, независимый от главы VIII, тогда уже существовал.

⁶² Это означает, что VIII глава была, во всяком случае, частично уничтожена, хотя и не «вовсе», т. е. подготовлена к печати искаленной, со многими купюрами. — И. Д.

⁶³ Пушкин имеет в виду отрывок «Прекрасны вы, берега Тавриды», напечатанный в январе 1830 года, и отрывок об Одессе, напечатанный еще в 1827 году. — И. Д.

⁶⁴ Краткость срока, конечно, не может явиться возражением против этой возможности: хотя между 26 сентября и 19 октября Пушкин переделывал VIII главу, написал «Домик в Коломне», «Выстрел» и «Метель», не считая ряда крупных стихотворений, но и между 7 сентября и 26 сентября, помимо завершения VIII и IX глав «Онегина», он успел написать «Гробовщика», «Балду», «Станционного смотрителя» и «Барышню-крестьянку», а также ряд стихотворений. Однако мы теперь знаем, что зашифрованные строфы существовали уже в 1829 году.

женного это не кажется вероятным, особенно если учесть, что, как показано выше, эти семнадцать строф не представляют собой начала главы.

Нам кажется несомненным иное объяснение того, что именно сжег Пушкин 19 октября 1830 года (т. е. еще до того, как написать предисловие к VIII и IX главам, где намекается на продолжение романа «не для печати»). Строфа «Наскуча слыть или Мельмотом» и подобные ей вызвали бы осложнения в цензуре, но они политически не компрометировали автора; поэтому Пушкин, лишь пометив, что эта строфа подлежит переносу в X главу, оставил ее в рукописи.⁶⁵ Иное дело строфы, содержащие «личности» в отношении покойного императора или сочувственно описывавшие тайные общества. Это уже грозило крепостью. Холостой Пушкин мог рисковать сохранением у себя подобных строф. Но в 1830 году Пушкин собирался жениться и ставил на карту теперь уже не одну свою судьбу. Поэтому он не только изъял рукопись «крамольных» строф из VIII главы, как предназначенных для будущей главы X «не для печати», но и зашифровал их, а «клэр» сжег,⁶⁶ как о том свидетельствует его запись на рукописи «Метели» от 20 октября: «19 окт. сожж. X песнь». Поскольку VIII глава предназначалась в это время для печати, постольку изъятые из нее строфы уже не были для автора частью этой главы; а поскольку они предназначались теперь для X главы, постольку в краткой секретной записи их можно было упрощенно назвать «X песнью».

Таково, как нам кажется, было положение, когда Пушкин писал свое предисловие к VIII и IX главам и когда он читал стихи из болдинского урочая Вяземскому в декабре 1830 года.

Когда Пушкин вернулся из Болдина, у него была вполне готовая (как ему представлялось) IX глава, а глава VIII, сильно обесцененная, сокращенная наполовину и кое-как законченная, чисто описательная, а потому не вполне отвечающая своему композиционному назначению, слишком короткая по сравнению с другими главами, все-таки была еще недостаточно надежной с точки зрения прохождения через цензуру. Вопрос о ней, вероятно, Пушкину самому был неясен.

Десятой главы, как и сообщает Вяземский, тогда не существовало, а существовали заготовки, изъятые из VIII главы, — частью в виде черновой записи, частью в виде шифрованной записи, а частью, может быть, и просто сохранившиеся в памяти. Они не составляли целой главы — это видно, между прочим, из того, что Вяземский сообщает о двух разных отрывках из этих заготовок не в одном месте своей записи, а в различных: после сообщения о чтении Пушкиным строф о 1812 годе из главы «X предполагаемой» он перечисляет еще «Историю села Горюхина» (?) под обозначением «Славная хроника»,⁶⁷ куплеты «Смеясь жестоко над собратом», эпиграммы на Булгарина, «Повести Белкина», полемические статьи, маленькие трагедии и потом уже только строфы

⁶⁵ Как уже упоминалось, он использовал часть этой строфы в IX (заключительной) главе (так уже в беловом автографе 25 сентября 1830 года). Быть может, он колебался, куда перенести эту строфу, или хотел перенести в X главу не всю строфу, а только стихи, еще не использованные в главе IX.

⁶⁶ Поскольку уже в полубеловой рукописи VIII главы 1829 года «крамольные» строфы не были выписаны, а лишь помечены условным обозначением, можно было бы думать, что они тогда же и были зашифрованы. Но это маловероятно, потому что в шифрованном виде эти строфы, хотя и частично, дошли до нас, из чего видно, что Пушкин сжег не шифр, а именно «клэр», может быть, существовавший только в черновом виде и в беловик никогда не переписывавшийся. Несколькими строфами, как известно, сохранилось именно в черновике. Но если бы «декабристские строфы» были бы зашифрованы в 1829 году, то непонятно, почему бы Пушкину было сохранять «клэр» до 19 октября 1830 года.

⁶⁷ Перед этим названием стоит точка, так что это не характеристика упоминаемых перед этим строф «о 1812 годе», как часто предполагают.

о Союзе Благоденствия: «У вдохновенного Никиты,⁶⁸ у осторожного Ильи». Таким образом, Пушкин сначала прочел Вяземскому строфы об Александре и Наполеоне, потом, вероятно в конце беседы, когда уже были обсуждены и драматические, и прозаические, и другие произведения «болдинской осени», отрывок собственно о декабристах. Кроме того, вероятно, существовали и другие заготовки для X главы. Так, хотя начало строфы «Наскуча слыть или Мельмотом» уже было использовано в IX главе, какие-то строки из нее предполагалось использовать и в X; однако определенной связи с известными нам другими отрывками, предназначенными для этой же главы, в этой строфе нет. Все это были только наметки, отрывки для предполагаемой — и неосуществленной — X главы; именно они и были сожжены 19 октября.

Друзья Пушкина, конечно, знали, что «Путешествие» и X глава — это, в сущности, одно и то же. Поэтому, когда А. О. Россет получила от Николая текст «Путешествия Онегина», она и восприняла этот текст как то, что ей было известно под названием «X главы». Отсюда в ее воспоминании этот эпизод и связан с X главой. Большой ошибки тут не было.

Очевидно, в 1831 году⁶⁹ Пушкин дал на цензуру Николаю не «X главу», а подцензурный вариант VIII главы (однако сокращенный еще не до состояния «Отрывков из путешествия Онегина»). Во-первых, X главы как целого не существовало, а во-вторых, то, что было приготовлено или задумано для продолжения «Онегина» после IX главы, было «не для печати» и явно не для царских очей. Для опубликования же «Путешествия Онегина», даже в сокращенном виде, могло требоваться более авторитетное решение, чем на какое можно было рассчитывать в обыкновенной цензуре. Ведь как никак в этой главе содержалось описание российского государства.

Как это было и в некоторых других случаях,⁷⁰ Николай сделал на рукописи свои пометки, причем, судя по сообщению А. О. Смирновой-Россет, они касались не только политической допустимости тех или иных мест, но и языка и стиля, или же были замаскированы в форме стилистических замечаний: Николай счел необходимым показать их А. О. Россет как *знатоку русского языка*, но, конечно, с намерением, чтобы Пушкину стало заранее неофициально известно о характере этих «высочайших» замечаний.

⁶⁸ В шифрованной записи Пушкина — «У беспокойного Никиты». Это — четырнадцатая шифрованная строфа: «Витийством резким знамениты».

⁶⁹ По А. И. Гербстману, еще в сентябре—октябре 1831 года Пушкин предназначал VIII главу («Путешествие») к печати, что видно из составленной описи предполагаемого собрания сочинений в двух томах. Однако А. И. Гербстман (К вопросу о пропуске строф о военных поселениях в главе «Странствие» романа «Евгений Онегин», стр. 349) ссылается здесь на данные М. А. Цявловского в сборнике «Рукою Пушкина» (стр. 252), но в указанном месте М. А. Цявловский датирует этот список не осенью 1831 года, а летом 1830 года. Правда, осенью 1831 года (что видно из добавления «Сказки о царе Салтане», написанной в августе этого года) Пушкин переделывал этот список в расчете на четырехтомное издание и при этом не вычеркнул из списка VIII главы; это позволяет предполагать, что список переделывался до окончательного исключения VIII главы, т. е. до цензуры Николая, однако возможна здесь простая небрежность Пушкина: и список и поправки носят характер очень чернового наброска. Так, хотя Пушкин точно так же дополнял и другой список сочинений того же рода, тоже включающий все девять глав «Онегина» и датируемый концом 1830—началом 1831 года, однако и тут он не вычеркнул VIII главы, хотя дополнения относятся уже к 1833 году, когда VIII глава давно уже была отброшена (Рукою Пушкина, стр. 254—256). В октябре 1831 года VIII глава была уже окончательно исключена, свидетельством чего является добавление «Письма Онегина» и отрывка «Блажен кто смолоду был молод» в последнюю главу.

⁷⁰ См.: Т. В. Зепгер. Николай I — редактор Пушкина. «Литературное наследство», т. 16—18, стр. 513 и сл.

Результатом «редакторской» работы Николая, вероятно, и явилось то, что Пушкин вернулся к решению вовсе исключить VIII главу из печатного текста и при публикации воспроизвел главу IX (под номером VIII) примерно в том виде, в каком она сложилась еще 25 сентября 1830 года, сделав некоторые второстепенные поправки и добавив письмо Онегина к Татьяне.⁷¹

Но кроме этого было и еще одно существенное изменение текста последней главы.

Когда Пушкин решил совершенно отказаться от «Путешествия», ему пришлось вставить в IX главу (теперь VIII) также строфы, кратко излагающие судьбу Онегина за пропущенный промежуток времени (строфы XII—XIII). Сюда же Пушкин перенес и начальные строфы выпущенной VIII главы («Блажен, кто смолоду был молод» и «Но прустно думать, что напрасно Была нам молодость дана»). Связь этих строф с окружающим контекстом здесь слабее, чем на их первоначальном месте в «Путешествии»: мысль о том, что молодость не должна быть проведена напрасно, там приводила к осознанию героем необходимости патриотической деятельности; теперь же эта мысль существует сама по себе и из нее ничего не следует для судьбы героя. Его путешествие по России объясняется здесь просто тем, что он «ничем заняться не умел» и поэтому им овладела весьма неопределенная «охота к перемеле мест». К тому же в «Путешествии» отрывком «Блажен, кто смолоду был молод» открывалась вся глава; это было то ли авторское лирическое отступление, то ли раздумье героя, но этот отрывок вводил самую тему главы; здесь же он является только как бы продолжением ответа (начатого в предшествующей IX строфе) на ожесточенную реплику какого-то безымянного критика Онегина (для этой реплики Пушкин использовал еще две строки из «Путешествия», а именно — из строфы «Наскуча слыть или Мельмотом»).

Сама строфа IX и содержащиеся в ней возражения на критику Онегина, как уже говорилось, способны только вызвать недоумение, да и вызывали его: о какой это «пылких душ неосторожности» идет речь? Какие это «разговоры принять мы рады за дела»? Вопросы эти станут значительно яснее, если мы предположим, что эта строфа является пережитком первоначального текста и что о революционных «разговорах между лафитом и клико» речь уже шла в предшествующей главе, и Онегин имел какое-то касательство и к этим разговорам, и к связанной с ними «пылких душ неосторожности».

Теперь глава VIII была исключена и стала целиком главой «не для печати». Различие между VIII и «X» главами исчезло, и в сознании Пушкина зашифрованные строфы снова стали тем, чем были с самого начала, а именно — частью «Путешествия Онегина».

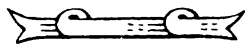
Когда Пушкин, только что (в октябре—ноябре) закончив роман для печати в восьми главах, в декабре 1831 года читал свои стихи А. И. Тургеневу, «Отрывки из путешествия Онегина» еще не были опубликованы в том виде, в каком мы их сейчас знаем; в печати существовали только небольшие куски — описание Одессы и строфы «Прекрасны вы, берега Тавриды» и т. д. Пушкин прочел А. И. Тургеневу некоторые ненапечатанные строфы из теперь уже целиком исключенной главы «Путешествие», в том числе и зашифрованные, о чем тот и рассказал в письме к брату.

⁷¹ Оно было добавлено 5 октября 1831 года (VI, 516—517), как справедливо указывает Д. Благой, для того чтобы компенсировать пробел в композиции и в развитии душевной жизни Онегина, образовавшийся в результате окончательного исключения VIII главы, осуществленного к этому времени (см.: Д. Благой Мастерство Пушкина, стр. 198). Кроме того, некоторые строфы были заменены другими вариантами или исключены.

Обозначение «X песнь» или «X глава», употребленное Пушкиным дважды в черновых пометах для себя и один раз Вяземским в применении к ненаписанной еще главе «Онегина», относится к кратковременному и неосуществленному замыслу.⁷² Поэтому публиковать шифрованные строфы под названием «Главы десятой» или «Отрывков из главы десятой», с нашей точки зрения, не следует, так как это — отрывок не из несуществовавшей X главы, а из вполне реальной VIII главы «Евгения Онегина».

Печатный текст «Евгения Онегина» в издании 1833 года не вполне соответствует авторской воле: глава VIII исключена из него под давлением обстоятельств.⁷³ Окончательным авторским замыслом следует считать тот, который отразился в оглавлении-плане 26 сентября 1830 года. Восьмая глава, упомянутая в этом оглавлении, существовала полностью, совершенно готовая и составляла органическую часть полного и окончательного текста романа. При этом она существовала в двух вариантах — для себя и для цензуры, и в первом варианте включала строфы об Александре и Наполеоне, о тайных декабристских обществах и о военных поселениях, а вероятно — также о встрече Онегина с декабристами. Но и смягченный вариант оказалось невозможным полностью напечатать.

Конечно, мы не можем восстановить текст «Евгения Онегина» в том виде, как он мыслился автором. Во-первых, нам неизвестен полный текст ни одного из вариантов VIII главы, а во-вторых, также и текст последней главы в том виде, как он нам известен, приспособлен не к полной версии романа, а к сокращенной для цензуры, в восьми главах. Но следовало бы прилагать к роману не одни только шифрованные строфы, с нашей точки зрения ошибочно называемые «X главой», а все, что можно реконструировать из былой *политической* VIII главы. Важно не только показать читателю, что Пушкин вообще писал о декабристах, но и то, какую роль это играло в построении романа и в судьбе его героя. Вместо фактически несуществовавшей «X главы» следовало бы публиковать сводку рукописных материалов по VIII главе («Путешествию»), включая как все сохранившиеся в последней чистовой рукописи незашифрованные строфы, так и реконструкцию примыкающих к ним «декабристских строф». Это, по крайней мере, дало бы читателю представление о действительном характере выпущенной главы и о том, как роман «Евгений Онегин» рисовался автору в его полном виде.

⁷² Позднейший (1835 года) замысел Пушкина вернуться к «Онегину», конечно, не имеет отношения к проблеме «декабристских строф».

⁷³ В виде приложения к этому сводному изданию романа Пушкин напечатал 19 строф «Отрывков из путешествия Онегина». Эти отрывки уже не претендовали на то, чтобы быть целой главой и занимать место, определенное ей композицией романа; но их опубликование должно было показать читателям, что роман напечатан не совсем в том виде, в каком его хотелось бы видеть автору.